

— Тысячи лет! Тысячи лет Россия собирала вокруг себя земли и народы, вбирала их в себя, следовала путем Христа — несть для меня ни эллина, ни иудея, спасала от уничтожения и позволяла прирастать в числе. И за это все эти народы платили России любовью и верностью — грузин Петр Багратион сложил за нее голову на Бородинском поле, курляндец капитан Сакен подорвал себя вместе с турками, захватившими его корабль, якут Федор Охлопков грудью встал на защиту страны от немецко-фашистских захватчиков, был ранен двенадцать раз, но сам при этом уничтожил более четырехсот гитлеровцев, армянин Айвазовский прославил Россию в искусстве... Но потом пришли трое уродов — и разломали страну по живому! — Депутаты наконец-то отошли от шока, вызванного моим поступком, вследствие чего гул голосов начал нарастать так, что для того, чтобы меня услышали, мне пришлось все больше повышать голос: — И это предательство вскоре приведет к тому, что русских начнут резать, голыми и босыми выбрасывать из своих домов, насиловать, обращать в людей вто-

рого сорта, лишая их гражданства, а потом и заставляя совсем отказаться от своих предков, от своей национальности, принуждая становиться «иванами, не помнящими родства». И когда это начнется — вспомните, что это сделали вы, Борис Николаевич! И будьте вы прокляты! — Гул голосов окончательно превратился в рев. Сотни глоток, надсаживаясь, орал: «Долой!» Десятки депутатов с перекошенными лицами остервенело полезли на сцену, собираясь отшвырнуть меня от микрофона... но другие, пусть и уступающие им в числе, отчаянно сцепились с ними на ступеньках и у кромки сцены, давая мне возможность закончить свое спонтанное выступление.

— А еще — я хочу заявить... — я уже откровенно орал, — что не желаю иметь ничего общего с властью, уничтожающей мою страну. Потому что и тот осколок великой страны, который сохранил название Россия, с такими руководителями будет ввергнут в пучину разрухи и войн. Поэтому — вот! — я выхватил из кармана книжечку удостоверения депутата и одним движением разорвал ее. — Я отказываюсь от мандата депутата! — после чего развернулся и двинулся прочь от трибуны...

По большому счету я не сказал ничего особенно нового. Подобные речи с этой трибуны уже звучали. Ну, может, не совсем в таком виде и с таким всеобъемлющим набором предостережений, но звучали. Однако у всех, кто говорил об этом ранее, не было одного, главного аргумента, который имелся у меня. И как раз сейчас я шел мимо него.

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

Борис Николаевич Ельцин, первый Президент Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, прибывший на заседание Верховного Совета РСФСР дабы триумфально отчитаться о своей поездке в Беловежскую Пущу, во время которой решением трех дорвавшихся до власти уродов был ликвидирован Советский Союз, сидел на полу, держась за исцарапанную щеку, на которой наливался краснотой отпечаток моей ладони, и сверлил меня злобным взглядом...

ГЛАВА 1

— Ну что, как, нравится?

Я не стал отвечать, а повернулся к Аленке, слегка обалдело оглядывающейся по сторонам.

— Как тебе?

Она резко развернулась ко мне и быстро-быстро закивала. Причем глаза у нее были такими восторженно-щенячьими...

Эту «однушку» в сталинском доме на улице, носящей имя революционера Бабушкина, нам подыскал подпольный маклер (они нынче все подпольные, поскольку официально такой профессии в СССР нет), на которого я вышел через того самого Якова Израилевича, заместителя директора «Лениздата». За свою работу денег он с меня взял довольно солидно — сто пятьдесят рублей, зато и квартиру подобрал просто супер. Она была, по советским меркам, полностью упакована — цветной телевизор, телефон, холодильник, причем не какой-нибудь там «ЗИЛ», а целый Rosenlew, финская же сантехника, с тем самым, легендарным для этого времени голубым унитазом, магнитофон, правда бобинный, а не кассетный, но хороший, и комплект француз-

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

ской посуды Luminarc. У нас в прошлой жизни такая же была. Мы ее прикупили то ли в конце девяностых, то ли в начале двухтысячных. Потому что понравилась и оказалась вполне доступна по цене. Ну а здесь и сейчас она смотрелась просто пришлицей из другого мира... Естественно, что на мою любимую все это произвело неизгладимое впечатление. А она никогда не умела скрывать свои чувства. Вследствие чего почти все мои попытки поторговаться в прошлой жизни обычно заканчивались крахом...

— Сколько?

— Хозяин просит шестьдесят пять рублей в месяц, — с легкой усмешкой сообщил маклер. Он прекрасно понимал реакцию моей любимой.

— Много, — я покачал головой. Блин, это действительно было много. Во-первых, район довольно отдаленный. Конечная остановка метро. По нынешним меркам почти окраина... Во-вторых — это не совсем однушка. На самом деле это двушка, но одна комната забита хозяйскими вещами (а вот интересно, что же они такого ценного туда положили, учитывая всю эту недешевую бытовую технику и обстановку?) и закрыта на ключ. Так что сдают они ее как однушку, но квартплату, а также за отопление, воду и все остальное с нас будут брать именно как за двушку. И пусть это сейчас стоит не слишком дорого, ну по сравнению с будущими временами, но тоже ведь деньги! Маклер покосился на мою буквально окаменевшую любовь, а потом саркастически усмехнулся и развел руками.

— А давай, я доплачу тебе еще полтинник, а ты скинешь нам десяточку? — предложил я. Маклер задумался. Потом вздохнул.

— Я должен поговорить с хозяином, — после чего вышел в прихожую, где на тумбочке был установлен предмет вожделения многих и многих советских людей — телефон.

Нет, ходили слухи, что были какие-то города, в которых телефон можно было получить почти сразу же... то есть максимум в течение года. Во всех остальных городах и всях страны очередь на телефон составляла от трех до как бы даже и не пятнадцати лет. Ну, кроме партийных работников и сотрудников КГБ, которым телефоны ставились сразу. А вот уже всяким чиновникам от РОНО до Минздрава приходилось уже ждать несколько лет. Вся же остальная часть советских граждан могла ждать своей очереди десятилетиями. Причем даже те счастливики, которым удалось разжиться собственной квартирой. Вернее, не даже, а именно они. Потому что на очередь для установки телефона сейчас можно встать, только имея собственное жилье! То есть телефон в нашей великой стране был куда менее доступен, чем жилище. А в этой квартире он имелся. Ну круть же!

— Ром, а мы-ы... — робко начала Аленка, но тут из коридора послышался громкий голос маклера:

— Предлагает шестьдесят!

Я усмехнулся и, сделав шаг, высунул голову в прихожую. Маклер напряженно смотрел на меня. Я покачал головой и ткнул в него пальцем, после чего потер друг о друга указательный и большой пальцы

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

правой руки. Мол, при такой скидке мне-то какая выгода будет? Маклер досадливо сморщился и снова приткнулся к трубке. Я же распрямился и снова повернулся к любимой. Она смотрела на меня взглядом голодного щенка. Похоже, ей очень хотелось пожить в этой квартире...

Школу я окончил с золотой медалью. Впрочем, если честно, это была не совсем моя заслуга. Последний год я из-за, так сказать, загруженности по общественно-спортивной линии заметно сбавил в учебе. Но учителя продолжали все так же ставить мне отличные оценки. Уж не знаю, по старой памяти ли, либо им это кто-то аккуратно посоветовал. Ну или они сами решили, что лучше не идти на принцип и не проверять, как на это отреагирует вышестоящее руководство. В настоящее время люди очень хорошо умели, так сказать, держать нос по ветру, отлично разбираясь, что, когда и при ком можно говорить или делать. Не все, конечно — правдорубы случались и здесь. Вот только судьба у них была куда более печальная, чем при любом «капитализме»... Ну а экзамены у меня вообще приняли чисто формально. Потому что в тот момент я был занят активной подготовкой к VII летней Спартакиаде народов СССР. То есть за границу меня больше не выпускали, но «внутри», похоже, решили использовать по полной. А что: комсомолец, спортсмен, отличник — прям классический представитель советской молодежи! Подрастающая смена строителей коммунизма!

Подготовка у меня, кстати, строилась странно. Потому что, несмотря на то что мне назначили тре-

нера, он работал со мной в основном дистанционно. То есть он продолжал жить и работать в Москве, приезжая в наш городок максимум пару раз в неделю, я же тренировался дома. На местном стадионе. И по большей части без тренера. Как выяснилось, сейчас в марафонском беге тренеры исповедовали принципы айтишников моего времени: работает — не трогай. Вот меня и не трогали. Ну, почти... То есть у нас с тренером не было ни постановки какой-нибудь техники дыхания или работы ног, ни разбора возможных тактик бега, то есть ничего из того, чем я активно занимался на секциях что плавания, что гимнастики, что самбо с боксом. Здесь же я просто бегал. Ну а тренер появлялся в основном для того, чтобы зафиксировать мои очередные результаты... Впрочем, может, дело было в том, что для мира марафонского бега СССР я был, так сказать, приبلудным. Этаким «политическим назначенцем», чья карьера, по всем прикидкам, должна скоро напроць закончиться. Поэтому на меня и не обращали особого внимания. Настолько, что даже согласились с моим категорическим отказом от любой химии...

На Спартакиаде я также побегал марафон. И неожиданно для себя пришел вторым. Причем вторым я, как выяснилось, оказался за один забег ажно в двух соревнованиях, одно из которых было международным. И второе место в международном я чуть ли не с кровью вырвал у японца Сигеру Со, обойдя его даже не на секунду, а буквально на полшага. Что для марафона было почти невероятно... Победителем же обоих соревнований, слившихся в один забег,

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

стал весьма именитый советский бегун Леонид Моисеев, который был более чем на десять лет старше меня. Но, если честно, я, вероятно, мог и выиграть. Потому что точно был способен еще прибавить. И даже хотел... Однако к финишу мы подбежали довольно плотной группой, и когда я попытался из нее вырваться — меня слегка притормозили. Причем, похоже, специально. Уж больно неудачно для меня пересеклась моя траектория с траекторией еще одного нашего бегуна, который бежал в этой же группе. А когда я его обошел, прибавлять оказалось уже поздно...

Но я особенно не расстроился. Потому что, как ни крути, со спортом высоких достижений я свою жизнь вот точно не связывал. И поэтому был готов в любой момент перестать этим заниматься и уйти в тень. Да даже и хотел бы! Но, увы, пока не удавалось. В первую очередь потому, что я, похоже, был все еще нужен той группе товарищей «наверху», которая зарабатывала на мне очки в неких аппаратных играх. И на мое мнение — хочу я этого или не хочу, им по большому счету было совершенно наплевать. Впрочем, с другой стороны, и плюшки мне от этого тоже перепали, пожалуй, даже поболее, чем у остальных наших профессиональных спортсменов-любителей. В конце концов, из-за этого у меня сейчас практически не было проблем с изданием моих книг...

Из дверей, ведущих в прихожую, высунулась голова маклера.

— В общем так — хозяин согласен, но только если вы заплатите сразу за год!

Аленка радостно вспыхнула. Она знала, что деньги у меня есть...

— За год? — я скептически покачал головой. — М-м-м... сразу не сможем. Нет сейчас таких денег. Если только к Новому году смогу собрать...

Маклер снова нырнул в прихожую. А я чуть постоял, а потом, поймав мысль, высунул голову к нему в прихожую и предложил:

— Если он скинет еще пятерочку, то я смогу к Новому году насобирать даже на два года, — и пояснил: — Где-то в конце ноября планирую заключить договор с «Лениздатом» на новую книжку. Так что к декабрю надеюсь получить аванс. И его как раз хватит.

Маклер окинул меня недоуменным и озадаченным взглядом. Похоже, несмотря на то что я «пришел» к нему от Якова Израилевича, он никак не предполагал, что этот соплик может оказаться еще и писателем. Но потом в его взгляде зажглось узнавание, затем понимание, после чего он снова приник к трубке...

Короче — мы договорились. Я вручил нашему удачливому переговорщику его заслуженные пятьдесят рублей, а также еще двести за следующие четыре месяца, которые оставались до Нового года, чтобы он передал их хозяину, ну и написал расписку с обязательством в декабре выплатить оставшееся. И получил от него стопочку книжек с квитанциями на квартплату, электричество, телефон и так далее, а также комплект ключей. После чего он отчалил, оставив нас с Аленкой в квартире вдвоем.

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ. КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

Едва за ним захлопнулась дверь, как моя любовь с визгом бросилась мне на шею.

— Ура! Получилось!!! — после чего прильнула ко мне в поцелуе.

Я замер, с одной стороны, буквально расплывшись, а с другой — постаравшись отстраниться подальше. Я ж не железный... А нам пока нельзя. По двум причинам. Во-первых, мы пообещали. Оба. Аленкиным маме и папе. Иначе бы ее ко мне в Ленинград одну не отпустили... Ну, то есть ее и так не отпустили, потому что она приехала сюда вместе с братом. Причем они остановились у родственников в Сосновом Бору. А я пока жил в общежитии ЛГУ. Как и остальные абитуриенты. Несмотря на то, что все экзамены я уже сдал... Но было договорено, что после того, как я разберусь с жильем, брат должен будет уехать, а она — остаться со мной до конца августа. И вот ради этого я и пообещал, что мы с ней ни-ни и ни за что! А во-вторых, из-за того, что в старших классах школы существовало такое мероприятие, как медосмотр, одним из главных элементов которого был осмотр девочек гинекологом. Причем ни о какой конфиденциальности результатов этого осмотра и речи не шло... То есть я не исключаю того, что официально они должны были быть именно конфиденциальными, но на самом деле это было совсем не так.

Советское общество вообще весьма бесцеремонно влезало в личные отношения. Причем даже на официальном уровне. Профкомы, завкомы и парткомы регулярно рассматривали персональные дела